

29 ИЮНЬ 1975

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

РЕЖИССЕРЫ и АКТЕРЫ, про-
работавшие с Александром Пермяковым не один
год, как по уговору, с некоторой растерянностью начинали
фразой: «Знаете, о Саше много
не расскажешь — он не из
коммуникабельных, не любит
о себе распространяться».

Они ошиблись: я узнала от
них о Пермякове много. Потому что дело тут не в количестве слов, а в том, какие слова и каким тоном были сказаны. Если вообще об одном человеке не часто услышишь уважительное: не застеслил, не тщеславен, не эгоистичен — то об актере, да еще из уст его же коллег, — и вовсе редко. В. Порошин и В. Борисенко темпераментно убеждали: «Не думайте, что его расхваливаем! Просто такой он есть».

Сам Александр, похоже, и на вопросы-то отвечал больше из уважения к чужому труду. Ему было явно в тягость внимание именно к его персоне, он смущался и смущал меня этим своим смущением, так не свойственным актеру, медленно подбирал слова, глядя перед собой, умолкал. Вот так с немалыми потугами разыгрывалася наш разговор, но, несмотря на это, собеседником Александр был интереснейшим! Потому что все им сказанное не было заимствованным — это было его, выношенное, выстраиванное, настоящее.

Еще раньше я увидела Александра Пермякова в спектаклях. Уже там многое угадывалось, и вот в разговоре я проверяла свои впечатления, радуясь, что не обманулась.

ПОЧЕМУ НЕ О БЛЕСТЯЩЕЙ, скажем, актерской технике повела сразу речь, не об индивидуальных особенностях актерского дарования, а прежде всего о человеческих качествах своего героя? А вот почему. Думается, немногого стоят самые великолепные актерские данные, если нравственный облик артиста не идентичен тому высокому идеалу, что воплощает он в своем персо-

наже. Всегда дорого, если сквозь черты сценического героя просвечивает внутренний мир исполнителя. Зрители чутко улавливают ее, ту подлинность, истинность, которую невозможно ни имитировать, ни наиграть даже при недюжинном таланте.

лен несурзный молчаливый Али с его странной, почти болезненной привязанностью к голубям, с его печатью покорности и какого-то застывшего в глазах недоумения. Актеру отпущено всего несколько реплик, но в его исполнении этот эпизодический, в сущности,

два-три года. Мучительно это далось, метаясь, не находя удовлетворения, один на один борясь со своими сомнениями. У него нет за плечами театральной школы. Школой его жизни были после десятилетки фабрика, завод, студия телевидения, где работал столяром. Из самодеятельного кружка пришел во вспомогательный состав Томского театра — города, в котором вырос, откуда ушел и не вернулся с войны его отец. Одновременно занимался в театральной студии, учился у актеров.

— Без гражданственности актер остается... ну, вроде, пустощета. Завязь так и не появится. Когда сам не имеешь за душой того, о чем говоришь со сцены... Как вам объяснить? Должны быть свои убеждения, иначе это липа, пусть и на высшем уровне.

Тут я спросила, кто отвечает его представлению об этапности актера? Александр сказал на этот раз без промедления: Михаил Ульянов.

Думаю, это ключ к тому, чтобы понять что-то и в самом Пермякове.

ОДНАКО НЕ СТОИТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДЕЛО ТАК, что все теперь окончательно сложилось и определилось. Признание — оно только-только забрезжило. А работать стало, пожалуй, еще труднее: повысил требовательность к себе. О нем говорят:

— Готовя роль, Саша не торопится к результату, не хватает верхушки. Один из немногих актеров, умеющих слышать режиссера, но подсказанных решений он не принимает — до всего доходит сам, в глубину копает, пропускает через себя. Зато потом кажется, что он и не играет — просто вышел и сказал о себе.

...Если бы условно определить профессии как труд рук, труд ума, то актерскую профессию, как ее понимает Александр Пермяков, надо отнести к труду души, чистой, стремящейся к высоким идеалам.

В. ФИЛИППОВА.

ТРУД ДУШИ

«Апостолами правды» называл актеров Ш. Петефи и считал, что они вправе гордиться своим актерским ремеслом лишь тогда, когда, неся народу слово правды, и сами следуют ему. И великий Станиславский не уставал напоминать, что артист обязан и в жизни быть носителем и проводником прекрасного. В противном случае он одной рукой будет творить, а другой разрушать создаваемое.

Самое сильное впечатление от игры Пермякова было такое: все — правда, актеру не приходится насиливать себя, говоря о добре, о тонком организме человеческой души, о ее незащищенности. Он вышел на сцену, и видишь не актера импрек, а человека — живого, достоверного, с убедлениями, взглядами и поступками которого ты не обязательно согласен, но уже не сможешь отказать ему в сочувствии. Комедийная ли у Пермякова роль, трагикомическая, любая другая — она несет в себе человеческое начало, в котором обостренно чувствуешь личность самого актера. Таковы его Чиник в «Берегите белую птицу», Шмага в «Без вины виноватых», Али в «Женщине за зеленой дверью» — спектаклях, сыгранных на гастролях в Чите.

Каждая из этих ролей — труд его души. Надо сильно чувствовать, чтобы другие чувствовали. Это свойство Пермякова органично трансформировалось в его игру. Пронзите-

персонаж вырос до роли, которая отразилась на настроении всего спектакля.

Неожидан Шмага Пермякова. Сложился стереотип восприятия этого классического персонажа, и поначалу противиша появление такого Шмаги — ни тебе широты точно рассчитанного на смех театрального жеста, ни «эффектного» страдания неполнятой души. Чем же тогда привлекает к себе пермяковский Шмага и почему такой щемящей нотой западает в память? Попробуй объясни... Ходит по сцене человек не очень, кажется, и стремящийся быть заметным, даже когда он скандально бьет в барабан, а ты уже не отводишь взгляда от его глаз, лица, чувствуя, какую трагедию несет в себе этот человек.

— Александр Пермяков пришел на сцену со своей темой, — сказали мне режиссеры Красноярского краевого драматического театра имени А. С. Пушкина В. В. Бухарин и В. И. Радун. — А это встречается не часто. Для этого надо быть личностью.

Какая это тема? Совесть. Так определяет ее сам актер. Он признался:

— У меня язык не поворачивается сказать: пошел играть. Для меня сцена — не игра. Работа.

ПЕРМЯКОВ ПОВЕРИЛ В СВОЕ ПРИЗВАНИЕ, четырнадцать лет уже на сцене, а по-настоящему поверил вот только теперь, в последние